

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

Точка невозврата

М. Б ХОНТ

М.Б. Хонт
Горизонт Событий:
Точка невозврата

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73527038
SelfPub; 2026*

Аннотация

Его мир – идеальное будущее, где любовь рассчитывается по алгоритму. Ее мир – прошлое, где за право любить нужно бороться. Случайный прыжок во времени сводит Алекса, циничного жителя 2030 года, и Марину, советскую девушку из 1985 года, верящую в настоящую любовь.

Для него она – аномалия, необъяснимое чувство, которое ломает всю его картину мира. Для нее он – тайна из будущего, которая может стоить ей всего: карьеры, свободы и, возможно, жизни.

Но когда появляется шанс вернуться, они понимают: их любовь – не просто ошибка во времени. Это оружие. Решившись на невозможное, они отправляются назад, чтобы начать тихую войну. Войну за право чувствовать в мире, который променял любовь на комфорт. Но сможет ли чувство, рожденное в прошлом, выжить в идеальном и беспощадном будущем?

Содержание

Пролог: Разрыв соединения	4
Глава 1: Нулевой заряд	11
Глава 2: Гол из будущего	32
Глава 3: Билет в прошлое	48
Конец ознакомительного фрагмента.	60

М.Б. Хонт

Горизонт Событий: Точка невозврата

Пролог: Разрыв соединения

11 мая 2030 года. Москва.

Квартира была пуста и умна. Она знала, когда Алекс просыпается, и готовила ему кофе за семь минут до пробуждения – ровно столько требовалось, чтобы напиток достиг идеальных семидесяти двух градусов к моменту, когда его босые ноги коснутся тёплого пола. Она знала, какую музыку он слушает по вечерам, и сама составляла плейлисты, анализируя его сердечный ритм, уровень кортизола и даже микровыражения лица, считываемые камерами в зеркале ванной.

Сейчас, например, из скрытых в стенах динамиков лился меланхоличный эмбиент – мягкие, обволакивающие волны синтезаторов, идеально подходящие для вечера субботы, когда ты вроде бы должен куда-то идти, но невероятно лень. Квартира знала и это тоже.

– Алиса, громкость семь, – бросил Алекс в пустоту, не отрываясь от голографического экрана, парящего над журнальным столиком словно послушное привидение.

– Сделано, – отозвался мелодичный синтезированный голос, лишённый тела, но полный заботы. – Алекс, напоминаю, у вас истёк срок подписки на городской транспортный сервис. Рекомендую продлить, чтобы избежать ограничений при перемещении.

– Да помню я, помню, – он раздражённо отмахнулся, пролистывая ленту новостей ленивым движением пальцев.

Лента была скучной. Впрочем, она всегда была скучной – и в этом заключался весь смысл. Алгоритмы давно научились отсекалть всё, что могло вызвать у пользователя стресс, тревогу или, не дай бог, желание что-то изменить. Оставался лишь бесконечный поток приятного, безопасного и абсолютно бессмысленного контента: котики с искусственным интеллектом, обзоры новых вкусов синтетической еды, рейтинги лучших закатов недели, снятых дронами над крышами Москва-Сити.

Оптимизацией таких потоков Алекс и зарабатывал себе на жизнь. Официально его должность называлась «архитектор пользовательского комфорта». На практике это означало, что он целыми днями настраивал алгоритмы, решая, какой именно контент покажет человеку система, чтобы тот провёл в ней на три секунды дольше. Три секунды, умноженные на миллиарды пользователей, превращались в годы украденного времени – и в очень неплохую зарплату.

Он не создавал. Не изобретал. Не строил. Он делал так, чтобы другим было комфортнее потреблять. И, если честно,

никогда об этом особо не задумывался.

На экране всплыло входящее AR-сообщение – яркий голубой конверт с пульсирующим значком приоритета. Отправитель: Сан-Байт. Настоящее имя – Санёк, друг ещё со школьных времён, когда школы ещё существовали в привычном понимании этого слова.

Ты где? Вся тусовка уже в «Электрических снах». Новая иммерсивная инсталляция – огонь! Бары. Девочки. Все как настоящее, прикинь!

Алекс вздохнул. Тело было тяжёлым, словно налитым свинцом. Ему не хотелось никуда ехать. Диван был мягким, квартира – тёплой, а за панорамным окном переливался огнями привычный городской пейзаж, не требующий от него ровным счётом ничего.

Но пропустить такое событие означало на следующей неделе выпасть из всех разговоров. А выпасть из разговоров в его мире значило почти перестать существовать.

Да тут траблы с подпиской, – напечатал он ответ, вода пальцем по воздуху. – Пока обновлю, пока верификацию пройду, пока биометрию подтверждаю... Сам знаешь, как это всё.

Детский сад, – прилетел ответ почти мгновенно. – Зачем тебе официальные каналы? Скинул тебе «Сквозняк 7.2». Свежий релиз, вчера только выкатили. Прощьёшь транспортный узел через общественный Wi-Fi – пять секунд, и ты на месте. Прыгай через сектор ВДНХ,

там сейчас старые ретрансляторы, защита слабая. Будешь здесь через минуту.

Алекс колебался. Пиратский софт для «прокола» пространства – это не шутки. Нет, конечно, никакого телепорта не существовало даже в 2030-м. «Сквозняк» работал иначе: он взламывал городскую навигационную систему и заставлял ближайшую свободную капсулу аэротакси лететь по кратчайшему, но запрещённому маршруту, игнорируя официальные воздушные коридоры, зоны безопасности и прочую бюрократическую чепуху.

Это было незаконно. Это могло привести к блокировке аккаунта. В худшем случае – к штрафу, размер которого Алекс предпочитал не представлять.

Но мысль о том, чтобы потратить полчаса на легальное обновление подписки – с бесконечными сканированиями сетчатки, голосовыми подтверждениями и дурацкими вопросами безопасности про имя первого домашнего питомца – раздражала ещё больше.

«Один раз, – подумал он. – Что может случиться?»

Ок, кидай, – сдался он.

Файл пришёл через секунду. Маленький, неприметный, с невинным названием «transit_helper_v72.». Алекс усмехнулся. Сколько раз именно такие «невинные» файлы становились началом больших неприятностей? Впрочем, Санёк никогда не подводил.

Он скачал программу и вышел на балкон, который од-

новременно служил посадочной площадкой – таковы были требования градостроительного кодекса 2029 года. Внизу, на головокружительной глубине сорока этажей, переливался огнями ночной город. Москва 2030-го года была красивой той холодной, стерильной красотой, которую можно любить только издалека. Упорядоченная. Безопасная. Предсказуемая. Живой организм, в котором не осталось ничего живого.

Алекс активировал приложение. Интерфейс его умных линз мгновенно преобразился: на реальность наложилась синяя сетка городских сетей, пульсирующие точки транспортных узлов, жёлтые линии разрешённых коридоров. Он выбрал пункт назначения – бар «Электрические сны», район Патриарших. Программа мгновенно рассчитала маршрут и показала его на карте: жирную красную линию, нагло пронзающую закрытую зону над старыми павильонами ВДНХ.

Красный цвет означал одно: запрещено. Но когда это кого-то останавливало?

– Алиса, вызови капсулу, – скомандовал он в ночной воздух.

– Вызываю ближайшую доступную единицу, – отозвался голос. Пауза. – Алекс, система обнаружила несанкционированное навигационное приложение. Рекомендую удалить его во избежание...

– Отмена рекомендации.

– Как пожелаете.

Через минуту к балкону бесшумно подлетел небольшой двухместный дрон – обтекаемая капля молочно-белого пластика с затемнёнными окнами. Дверь скользнула вбок, приглашая внутрь. Алекс забрался в мягкое, идеально подстроенное под его тело кресло, и дверь с шипением закрылась, отрезая его от звуков ночи.

Внутри пахло искусственной свежестью – тем специфическим ароматом «нового автомобиля», который распыляли все капсулы.

Он нажал на кнопку «Старт» в пиратском приложении.

Мир дёрнулся.

Ощущение было не из приятных. Вместо плавного старта, к которому он привык, капсулу тряхнуло, словно она провалилась в воздушную яму размером с дом. Желудок подскочил к горлу. Изображение в линзах пошло рябью – сначала лёгкой, потом всё сильнее, словно реальность была старым телевизором, в который ударили кулаком.

«Что за...»

Перед глазами на долю секунды пронеслись обрывки чужих данных. Куски кода, бессмысленные строки символов, фрагменты рекламных баннеров на языках, которых он не знал. Чьё-то лицо – размытое, искажённое. Адрес электронной почты. Номер телефона. Цифровой мусор, которым была забита старая сеть ВДНХ, десятилетиями копившийся в заброшенных ретрансляторах.

Это было похоже на падение. Не вниз – а сквозь. Сквозь

помехи, сквозь статику, сквозь само время.

Раздался нарастающий высокочастотный гул – такой пронзительный, что Алекс инстинктивно зажал уши, хотя это не помогало: звук шёл отовсюду, изнутри, из каждой клетки тела.

А потом – щелчок.

И тишина.

Полная, абсолютная тишина.

Словно кто-то выключил не только звук, но и весь мир, к которому он привык. Весь мир, в котором он существовал тридцать лет. Весь мир, который он знал.

Капсула исчезла. Мягкое кресло исчезло. Запах искусственной свежести исчез.

Алекс стоял на твёрдой земле, посреди огромного, залитого дневным светом зала.

Глава 1: Нулевой заряд

Падение было мгновенным. Секунду назад мир был потоком дополненной реальности – привычным, понятным, насквозь оцифрованным. Секунду назад он сидел в мягком кресле капсулы, летящей над ночной Москвой.

А в следующую – пустота.

Нет, не пустота. Полнота. Но полнота какая-то... неправильная. Слишком яркая. Слишком резкая. Слишком реальная.

Алекс моргнул раз, другой, третий – механически, привычным жестом, которым всегда перезагружал интерфейс умных линз, когда тот глючил. Ничего не произошло. Перед глазами не появилось ни одной знакомой иконки, ни одной всплывающей подсказки, ни даже крошечного индикатора батареи в правом верхнем углу.

Только реальность. Непривычно плоская. Лишённая маркеров. Оглушающе простая.

Он огляделся, и сердце пропустило удар.

Вокруг были не стеклянные башни Москва-Сити, не неоновые вывески, не голографическая реклама, танцующая в воздухе. Вместо этого – величественные, светлые здания в стиле, который он смутно помнил по редким историческим симуляциям: что-то имперское, что-то помпезное, с колоннами и лепниной. Сталинский ампи́р – так, кажется, это на-

зывалось?

Широкие проспекты, залитые солнечным светом. Деревья – живые деревья, не декоративные голограммы – колыхались под лёгким ветром. Люди шли по тротуарам, и их одежда была... странной. Не эстетика 2030-х, не минималистичные комбинезоны с адаптивной тканью. Пиджаки. Платья. Юбки до колен.

«Иммерсивный исторический парк», – пронеслась в голове спасительная мысль, как бросают утопающему верёвку. – «Сбой выкинул меня в какую-то туристическую зону. Очень качественная симуляция. Надо отдать должное дизайнерам».

Этот парк наверняка где-то на окраине Москвы, в одном из развлекательных кластеров. Он слышал о таком: полное погружение в эпоху, актёры в исторических костюмах, воссозданные улицы прошлого века. Дорогое удовольствие для ностальгирующих стариков и хипстеров с переизбытком свободного времени.

«Ладно, – подумал он. – Нужно просто найти выход и вызвать другую капсулу. Или хотя бы связаться с Саньком».

Он сунул руку в карман куртки. Пальцы коснулись знакомой гладкой поверхности, и он выдохнул с облегчением. Смартфон – тонкая стеклянная пластина толщиной в миллиметр – был на месте. Его главный инструмент, его ключ к миру, его фактически продолжение мозга.

Алекс вытащил устройство и нажал кнопку включения. Тёмный экран даже не моргнул.

Он нажал снова. И снова. И снова – уже лихорадочно, с нарастающей паникой. Смартфон оставался мёртвым. Нулевой заряд. Это было невозможно: его устройство заряжалось от движения, от тепла тела, от рассеянного света – оно не могло разрядиться в ноль. И тем не менее стеклянная пластина в его руке была не более полезна, чем кусок обычного стекла.

Это уже была серьёзная проблема. Без смартфона он не мог ни связаться ни с кем, ни определить своё местоположение, ни вызвать помощь. Он не мог даже заплатить за стакан воды – электронный кошелёк был привязан к устройству, а о наличных деньгах он забыл думать 2 года назад, когда их отменили окончательно.

«Спокойно, – сказал он себе. – Нужно просто найти источник питания. Любой».

Его взгляд заскользил по фасадам зданий в поисках хоть какой-то технологической точки – зарядной станции, информационного терминала, даже рекламной панели, от которой можно было бы запитать устройство по стандартному протоколу. Ничего. Только камень, стекло и странные вывески с кириллическими буквами, нарисованными каким-то архаичным шрифтом.

Алекс двинулся вперёд, стараясь выглядеть как человек, который знает, куда идёт. Он миновал группу подростков

в одинаковых красных галстуках (актёры, надо полагать, очень аутентичные), обогнул женщину с авоськой, полной каких-то овощей (реквизит?), и наконец увидел то, что искал: большое монументальное здание с колоннами. Над входом, золотыми буквами на мраморе, было выбито:

ИНСТИТУТ ТОЧНОЙ МЕХАНИКИ И ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Идеально. Где техника – там электричество. Где вычисления – там наверняка какие-нибудь терминалы.

Он поднялся по широким ступеням и толкнул тяжёлую деревянную дверь. Внутри пахло пылью, бумагой и чем-то химическим – кажется, чернилами? Длинный коридор с высокими потолками, плакаты на стенах с изображением ракет и спутников, портреты каких-то строгих мужчин в костюмах.

Алекс двинулся вдоль коридора, заглядывая в приоткрытые двери. Кабинеты, кабинеты, ещё кабинеты. Люди склонялись над столами, заваленными бумагами. Никаких компьютеров. Никаких экранов. Вообще никакой электроники, кроме каких-то допотопных приборов с круглыми шкалами и стрелками.

«Очень детальная симуляция, – думал он всё с меньшей уверенностью. – Очень, очень детальная».

Наконец он толкнул одну из дверей пошире. За ней оказалась огромная зала, залитая дневным светом из высоких окон. Десятки – нет, может, сотни – молодых людей скло-

нились над странными конструкциями: наклонными досками на металлических ножках, к которым крепились огромные листы бумаги. Они водили по этим листам какими-то инструментами, линейками, циркулями...

Кульманы. Слово всплыло откуда-то из глубин памяти, из школьного курса истории, который он благополучно проспал. Так раньше делали чертежи. До компьютеров. До автоматизации. До всего.

Ни одного компьютера во всём зале. Ни одного.

И тут он увидел её.

Она стояла у окна – чуть в стороне от остальных, словно в собственном маленьком мире. На ней было лёгкое голубое платье в белый горошек, простое, но сидящее на ней так, словно было сшито специально для неё. Русые волосы были собраны простым белым ободком, открывая высокий лоб и изящную линию шеи.

В его мире, в 2030-м, девушки были похожи на идеальные аватары. Их красота была выверена, откалибрована и стандартизирована. Черты лица можно было слегка подкорректировать у косметолога, цвет глаз – сменить линзами с AR-эффектом, фигуру – довести до совершенства с помощью умных диет и тренажеров. Они были безупречны. И от этого – одинаковы. Их лица редко выражали настоящую, глубокую задумчивость, потому что за них думали алгоритмы. Они были красивы, но их красота была пассивной, как у картины в галерее.

Алекс остановился как вкопанный. Не потому, что девушка была красива – хотя она была. Не потому, что её лицо было каким-то особенным – хотя было и это. Дело было в её позе. В том, как она стояла, приложив кончик карандаша к губам, как были сосредоточенно сдвинуты её брови, как вся её фигура выражала такую глубокую, абсолютную погружённость в мысль, какой он никогда – никогда – не видел в своих современниках.

В его мире люди не концентрировались. Им не нужно было. За них думали алгоритмы, за них решали системы, за них выбирали приложения. Человеческий мозг в 2030-м был освобождён от тяжёлого труда мышления – и, как любой неиспользуемый орган, начал постепенно атрофироваться.

Эта девушка думала. По-настоящему, всем своим существом.

Почему-то это зрелище перехватило ему дыхание сильнее, чем должно было.

«Актриса, – напомнил он себе. – Просто очень талантливая актриса. Играет роль».

Он подошёл ближе. Она была так погружена в созерцание своего чертежа, что не заметила его присутствия. Он остановился в нескольких шагах, не решаясь прервать эту концентрацию, и вдруг почувствовал себя глупо. Он, тридцатилетний мужчина из будущего, стоял столбом посреди зала, пялясь на незнакомую девушку, как подросток на сайте знакомств.

– Простите, – сказал он наконец, и собственный голос прозвучал неожиданно громко в тишине рабочего зала.

Девушка вздрогнула и обернулась.

И мир замер снова.

Её глаза были серыми. Не голубыми, не зелёными – именно серыми, цвета дождевого неба, цвета московского ноября. Большие, чуть миндалевидные, они смотрели на него с выражением, которое он не мог расшифровать: любопытство? настороженность? лёгкое раздражение человека, которого отвлекли от важной работы?

– Да? – голос у неё был приятный, как весенний ручей. Ей было лет двадцать, не больше.

– Вы не подскажете, где здесь можно найти розетку? – выпалил Алекс, и в ту же секунду осознал, насколько идиотски это звучит.

Он протянул ей свой мёртвый смартфон – тонкую прозрачную пластину, в которой едва угадывались контуры внутренней начинки. В его мире это было таким же обычным предметом, как очки или часы. Здесь это выглядело... ну, он не знал, как это выглядело. Как реквизит из фантастического фильма, наверное.

Девушка перевела взгляд на устройство в его руке. Нахмурилась. Её брови – тонкие, изящно изогнутые – сдвинулись к переносице.

– Розетку? – переспросила она медленно. – Для чего?

– Чтобы зарядить. Ну, подключить к электричеству. Вы

же понимаете...

Он осёкся, увидев её выражение. Она смотрела на стеклянную пластину так, как смотрят на предмет из другого мира. Без понимания. Без узнавания. С чистым, незамутнённым непониманием.

– Это что? – спросила она, и в её голосе не было насмешки, только искреннее любопытство. – Калькулятор какой-то новый? Очень плоский... Я таких не видела. Это импортный?

Калькулятор?

Алекс почувствовал, как земля уходит из-под ног. Не буквально – он твёрдо стоял на паркете. Но что-то внутри него сместилось, треснуло, начало осыпаться.

Его взгляд заметался по залу. Кульманы. Бумажные чертежи. Люди в странной одежде. Ни одного экрана. Ни одной светящейся панели. Даже часы на стене – огромные, круглые – были механическими, со стрелками, которые двигались рывками.

И вдруг он увидел это.

Календарь. Отрывной календарь с крупными, чёткими цифрами, висевший у доски объявлений. Алекс уставился на него так, словно это была бомба с часовым механизмом. В каком-то смысле так и было.

12 мая 1985 года.

Не 2030-й. Не две тысячи какой-нибудь.

Тысяча девятьсот восемьдесят пятый.

Это был не сбой сети. Это был не парк развлечений. Это был не глюк симуляции.

Это был сбой самой реальности.

– Эй, – донёсся до него голос, словно сквозь толщу воды. – С вами всё в порядке? Вы побледнели.

Алекс перевёл взгляд на девушку. Она смотрела на него с беспокойством, всё ещё держа в руках карандаш. За её плечом виднелся чертёж – сложная схема из линий и окружностей, какие-то обозначения кириллицей.

– Какой сейчас год? – спросил он, хотя уже знал ответ.

– Что? – она моргнула.

– Год. Какой сейчас год?

– Восемьдесят пятый, – она сказала это медленно, настороженно, как говорят с потенциально опасным человеком. – Тысяча девятьсот восемьдесят пятый. Вы... вы точно в порядке?

Алекс закрыл глаза. Открыл. Ничего не изменилось. Та же девушка, тот же зал, тот же невозможный, невысказанный, чудовищный 1985 год.

Сорок пять лет. Он провалился на сорок пять лет в прошлое.

– Нет, – честно ответил он. – Я совсем не в порядке.

Девушка помолчала секунду. Потом сделала шаг к нему – не назад, как следовало бы при встрече с потенциальным сумасшедшим, а именно к нему.

– Меня зовут Марина, – сказала она, и протянула ему ру-

ку. Жест был прямым, уверенным, деловым – так здоровались мужчины, а не девушки в платьях в горошек. – Марина Соколова. Я аспирантка кафедры вычислительной техники. Вы кого-то ищете? Может быть, я смогу помочь.

Алекс посмотрел на её протянутую руку. Узкая ладонь, длинные пальцы, коротко остриженные ногти без следа лака. Рабочая рука. Рука человека, который создаёт вещи.

Он пожал её. Кожа была тёплой и немного шершавой – то ли от бумаги, то ли от карандашей.

– Алекс, – сказал он. И не смог придумать фамилию, поэтому замолчал.

– Просто Алекс?

– Просто Алекс.

Она чуть склонила голову набок, разглядывая его – его странную одежду, его странный «калькулятор», его странное лицо.

– Вы не местный, – это был не вопрос.

– Можно сказать и так.

– И вам нужна помощь.

– Да. Но...

– Тогда идёте, – она вдруг приняла решение. Это было видно по тому, как изменилось её лицо – сосредоточенность переключилась с чертежа на него, и внезапно Алекс почувствовал себя под микроскопом. – Здесь не место для разговоров. Слишком много любопытных ушей.

Она положила карандаш на полку, сняла с крючка у куль-

мана лёгкую бежевую кофту и набросила её на плечи. Потом обернулась и посмотрела куда-то в глубину зала.

– Толя! – позвала она, и её голос прозвучал иначе – мягче, привычнее. – Толя, я на минутку отойду. Если Григорий Павлович будет спрашивать – я в библиотеке.

Алекс проследил за её взглядом. В нескольких рядах от них, за соседним кульманом, стоял молодой человек примерно её возраста. Высокий, светловолосый, с правильными чертами лица и широкими плечами – из тех, кого девушки во все времена называют «красавчиками». На нём был аккуратный костюм, галстук с каким-то значком, и весь его вид излучал уверенность человека, который точно знает своё место в мире и вполне им доволен.

Он смотрел на Марину. Потом его взгляд переместился на Алекса – и что-то в этом взгляде изменилось. Совсем немного, почти неуловимо. Так, что если бы Алекс не был профессионалом в чтении микровыражений (профессиональная деформация – когда настраиваешь алгоритмы под эмоции пользователей, начинаешь видеть эти эмоции везде), он бы ничего не заметил.

Но он заметил.

Это была ревность. Не ярость, не угроза – именно ревность. Тихая, сдержанная, привыкшая скрываться. Взгляд мужчины, который считает что-то своим и видит потенциальную угрозу.

– В библиотеку? – переспросил молодой человек. Голос

был ровным, вежливым. – С этим... товарищем?

– С гостем, – поправила Марина. В её голосе не было ни тепла, ни холода – нейтральная констатация факта. – Я скоро вернусь, Толя.

– Может, мне пойти с вами? – он сделал шаг к ним. – Мало ли что.

– Не стоит. – Марина улыбнулась, и улыбка эта была вежливой, но непроницаемой. – У тебя же расчёты.

Она развернулась и пошла к выходу, не оглядываясь. Алекс двинулся за ней, чувствуя спиной взгляд светловолового – тяжёлый, изучающий, недружелюбный.

«Ещё и соперник, – подумал он отстранённо. – Замечательно. Провалиться в прошлое было недостаточно».

Они вышли в коридор, спустились по лестнице и оказались на улице. После прохладного полумрака здания солнце ударило в глаза. Пахло... чем? Бензином? Чем-то цветущим? Он не мог определить.

– Сюда, – Марина свернула направо, потом ещё раз направо, и они оказались в небольшом сквере, спрятанном между зданиями. Каштаны, скамейки, пустая детская площадка. – Вот. Здесь нас никто не услышит.

Она выбрала самую дальнюю скамейку – ту, что стояла у старой кирпичной стены, увитой плющом. Села, положив руки на колени, и посмотрела на него снизу вверх.

– Ну? – сказала она. – Рассказывайте.

Алекс остался стоять. Он смотрел на неё – на эту невоз-

можную девушку из невозможного прошлого – и пытался обратиться с мыслями. Как объяснить то, что нельзя объяснить? Как рассказать о будущем человеку, для которого это будущее ещё не случилось?

«Она подумает, что я сумасшедший, – понял он. – Любой бы так подумал».

– Вы уверены, что хотите знать? – спросил он. – То, что я скажу, будет звучать... безумно.

Марина чуть склонила голову набок. Это был, похоже, её характерный жест – так она разглядывала и чертёж, и его самого.

– Я привыкла к безумным идеям, – сказала она. – Половина того, чем мы занимаемся в институте, казалось безумием двадцать лет назад. Компьютеры размером с комнату, которые скоро станут размером со стол. – Она помолчала. – Ваш... калькулятор. Можно посмотреть?

Алекс протянул ей смартфон. Марина взяла его осторожно, двумя пальцами, и поднесла к глазам. Повертела. Посмотрела на свет.

– Это не калькулятор, – сказала она медленно. – Это что-то... совсем другое.

– Это телефон, – сказал Алекс. – И компьютер. И камера. И... много чего ещё.

– Телефон? – она нахмурилась. – Без провода?

– Без провода.

– Где антенна?

– Внутри.

Она ещё раз посмотрела на тонкую пластину.

– Это невозможно, – сказала она, но голос её дрогнул. –

При нынешнем уровне технологий это совершенно невозможно.

– При вашем нынешнем – да.

Повисла пауза. Марина подняла на него глаза.

– Кто вы? – спросила она тихо.

Алекс сел на скамейку рядом с ней. Не слишком близко, но и не слишком далеко. Между ними осталось около полуметра – дистанция между незнакомцами.

– Меня зовут Алекс Ветров, – сказал он. – Мне тридцать лет. Я родился двенадцатого сентября две тысячи нулевого года. В городе Москве. Которая к тому моменту... сильно изменится.

Он посмотрел ей в глаза. Серые, как дождь. Серьёзные. Ждущие.

– Я не из вашего времени, Марина. Моё настоящее – две тысячи тридцатый год.

Она не вздрогнула. Не отшатнулась. Не рассмеялась. Просто смотрела на него – долго, внимательно, с тем же выражением, с каким изучала свой чертёж там, в зале.

– Две тысячи тридцатый, – повторила она.

– Да.

– Это сорок пять лет... вперёд.

– Именно.

– И вы хотите, чтобы я в это поверила.

– Я хочу, чтобы вы рассмотрели эту гипотезу, – Алекс усмехнулся, несмотря на весь ужас ситуации. – Вы же учёный, правда? Рассмотрите её как гипотезу.

Марина помолчала. Потом, к его удивлению, кивнула.

– Хорошо, – сказала она. – Гипотеза: вы – путешественник во времени из 2030 года. Каким образом вы здесь оказались?

Алекс попытался объяснить. Рассказал про капсулу, про пиратский софт, про «прокол» над ВДНХ, про цифровой мусор в старой сети. Он понимал, что половина его слов не имеет для неё смысла – какой софт, какая капсула, какие ретрансляторы? – но она слушала, кивая, иногда переспрашивая. Глаза у неё были цепкие, умные. Она хватала суть, даже не понимая деталей.

– Допустим, – сказала она, когда он закончил. – Допустим, всё это правда. Есть проблема.

– Какая?

– Мне нужны доказательства. – Она посмотрела на него без вызова, просто констатируя факт. – Что-то, что я могу проверить. Ваша... штука не работает. Ваша одежда странная, но это может быть просто иностранная мода. Вы говорите странные вещи, но это может быть просто... ну... – она запнулась.

– Сумасшествие?

– Я хотела сказать «альтернативная интерпретация реальности».

Алекс невольно улыбнулся.

– Очень тактично.

– Я стараюсь. – Она не улыбнулась в ответ, но в уголках её глаз что-то дрогнуло. – Так что? Есть доказательство?

Алекс задумался. Что он мог предложить? Он не был учёным. Он не знал формул, законов, открытий, которые случатся в ближайшие годы. Он понятия не имел, как работает его собственный смартфон – только знал, как им пользоваться. Вся его жизнь была построена на том, чтобы потреблять технологии, а не понимать их.

Что он знал? Мемы. Видеоигры. Сериалы. Рекламные слоганы. Алгоритмы оптимизации контента. Всё это было абсолютно бесполезно здесь, в 1985-м.

И тогда он вспомнил.

Футбол.

Единственная вещь, которую он знал глубоко, по-настоящему, с детским энтузиазмом коллекционера, который вместо марок собирает даты, счета, имена. История футбола была его хобби – странным, старомодным хобби в мире, где всё можно было посмотреть в любой момент. Он любил именно знать, держать в памяти то, что другие ленились запоминать. Турниры прошлого века. Легендарные матчи. Голы, которые перевернули историю.

«Двенадцатое мая 1985 года, – подумал он. – Что было двенадцатого мая? Чемпионат СССР...»

И вдруг память услужливо подсунула ему картинку из ар-

живной базы данных, которую он просматривал буквально несколько недель назад, когда делал исторический обзор для какого-то ностальгического канала.

«Спартак» – «Торпедо». Москва. Двенадцатое мая во-
семьдесят пятого.

Он знал счёт. Он знал всё.

– Хорошо, – сказал Алекс, и в его голосе появилась уве-
ренность. – Доказательство будет. Скажите, Марина, вы лю-
бите футбол?

Она моргнула. Из всех вопросов, которые он мог задать,
этот явно был последним, которого она ожидала.

– Что? – переспросила она. – Футбол?

– Да. Ну, знаете. Мяч, ворота, двадцать два человека бе-
гают по полю.

– Я знаю, что такое футбол, – она чуть нахмурилась. –
Просто не понимаю, какое это имеет отношение к...

– Прямое. – Алекс наклонился вперёд, глядя ей в глаза. –
Сегодня вечером, в Москве, будет матч чемпионата СССР.
«Спартак» будет играть против «Торпедо». Вы можете это
проверить – наверняка где-то есть расписание игр.

– Допустим, – она всё ещё не понимала. – И что?

– Просто запомните то, что я сейчас скажу. – Он понизил
голос, хотя в сквере они были совершенно одни. – Матч за-
кончится со счётом 2:0 в пользу «Спартака».

Марина приподняла бровь.

– Это не кажется чем-то...

– Я не закончил. – Алекс поднял руку. – Первый гол забьют на шестнадцатой минуте. Его забьёт Фёдор Черенков. Полузащитник. Номер десять. Второй мяч будет забит на семьдесят пятой минуте. Его забьёт Сергей Родионов. Нападающий. Итого: два ноль, «Спартак». Черенков – шестнадцатая минута, Родионов – семьдесят пятая. – Он откинулся на спинку скамейки. – Запомнили?

Марина смотрела на него долгим, изучающим взглядом. Потом медленно покачала головой.

– Вы хотите, чтобы я поверила вам... потому что вы пытаетесь угадать счёт футбольного матча? – В её голосе прозвучало что-то похожее на разочарование. – Это ваше великое доказательство путешествия во времени?

– Это не угадывание, – твёрдо сказал Алекс. – Это знание. Я не угадываю – я помню. Для меня этот матч уже случился. Сорок пять лет назад. Черенков забил свой гол на шестнадцатой минуте. – Он наклонился к ней, и его голос стал серьёзным. – Подумайте, Марина. Не просто счёт – это ещё можно угадать. Но минуты? Точные минуты? Имена игроков, которые забьют? Такое невозможно угадать. Вероятность – один к миллиону.

Она молчала. Он видел, как в её глазах идёт работа – тот же сосредоточенный взгляд, что и над чертежом. Она думала. Рассчитывала. Взвешивала.

– А если вы ошибётесь? – наконец спросила она тихо.

– Тогда считайте меня сумасшедшим, – он развёл рука-

ми. – Или провокатором. Или просто идиотом. И мы больше никогда не увидимся.

– А если... если не ошибётесь?

Алекс встал. Он вдруг почувствовал страшную усталость – от всего этого дня, от невозможности происходящего, от необходимости доказывать очевидное.

– Если не ошибусь – найдите меня. Я буду здесь, на этой скамейке, завтра в это же время. – Он посмотрел на неё сверху вниз. – И тогда мы поговорим серьёзно. О том, что случится с этой страной. С этим миром. С... – он запнулся, – с будущим.

Он развернулся и пошёл прочь по дорожке, мощённой старым асфальтом. Не оглядываясь. Сжимая в кармане бесполезную стеклянную пластину мёртвого смартфона.

Он не знал, где проведёт эту ночь. Не знал, что будет есть. Не знал даже, как переживёт следующие двадцать четыре часа без денег, документов и хоть какого-то понимания этого мира.

Но одно он знал точно.

Завтра она придёт.

Потому что Фёдор Черенков свой гол уже забил. Сорок пять лет назад. На шестнадцатой минуте матча, которого для неё ещё не было.

«Интересно, – подумал он вдруг, – понравилось бы самому Черенкову узнать, что его гол станет доказательством путешествия во времени?»

Наверное, нет. Наверное, он бы просто посмотрел своими грустными глазами и сказал что-нибудь мудрое о футболе. Он всегда так делал – в тех интервью, которые Алекс смотрел в архивах.

За спиной послышались быстрые шаги.

– Погодите!

Он обернулся. Марина догоняла его, и её каблуки стучали по асфальту.

– Где вы собираетесь ночевать? – спросила она, останавливаясь рядом. Она дышала чуть чаще, чем нужно. На щеках появился румянец.

Алекс пожал плечами.

– Ещё не решил. Скамейка в парке подойдёт.

– Не подойдёт. – Она нахмурилась. – Ночью патрули. Без документов вас задержат. – Пауза. – Вы же без документов?

– Технически у меня есть документы, – он криво улыбнулся. – Просто они выданы в 2020 году. Вряд ли ваша милиция это оценит.

Марина фыркнула. Это был неожиданный звук – почти смех.

– У меня есть... одна идея, – сказала она медленно, словно сама удивляясь своим словам. – Но это завтра. Если вы окажетесь правы насчёт матча. – Она замялась. – А пока... дайте мне ваш «калькулятор». Только до завтра.

– Зачем?

– Хочу посмотреть внимательнее. – Она протянула руку. –

Можете считать это... залогом. Если он настоящий – я его верну. Если нет – вы теряете красивую игрушку.

Алекс посмотрел на мёртвый смартфон в своей руке. Без электричества это действительно была просто игрушка. Красивая, бесполезная, совершенно неработающая.

– Хорошо, – он отдал ей устройство. – Только осторожнее. Это... не только техника. Там хранятся фотографии. Память.

Марина приняла смартфон обеими руками, бережно, как что-то хрупкое.

– Я понимаю, – сказала она тихо. И в её голосе было что-то новое – не научное любопытство, а что-то более личное. – До завтра, путешественник во времени.

Она развернулась и пошла обратно к институту. Голубое платье в горошек мелькнуло между деревьями и исчезло.

Алекс остался стоять посреди сквера, в городе, которого больше не существовало, в году, который давно прошёл. Один, без денег, без документов, без малейшего понимания, что делать дальше.

И почему-то – впервые за много лет – он чувствовал себя по-настоящему живым.

Глава 2: Гол из будущего

Комната в общежитии Института точной механики была маленькой, но уютной – насколько вообще может быть уютной комната в шесть квадратных метров с одним окном. На узкой кровати лежало вязаное покрывало, на тумбочке стояла настольная лампа с зелёным абажуром, на полке – десяток книг с растрёпанными корешками. На стене висела репродукция какой-то картины.

Марина сидела на краю кровати, не зажигая света. В руках она держала странную стеклянную пластину, которая, по словам незнакомца, была телефоном и компьютером одновременно.

«Сумасшедший, – думала она, поворачивая устройство к свету. – Определённо сумасшедший. Или... или что?»

Она провела пальцем по гладкой поверхности. Внутри, сквозь прозрачное стекло, виднелись тончайшие дорожки – микросхемы? Но такие маленькие... Самые современные микропроцессоры, которые она видела в институте, были размером с ноготь и считались чудом инженерной мысли. Эти были как песчинки.

«Невозможно, – сказала она себе. – При современном уровне технологии это совершенно невозможно».

И всё же устройство было здесь, у неё в руках. Настоящее, необъяснимое.

Она положила «телефон» на тумбочку и посмотрела на часы. Без четверти семь. Матч, который упомянул незнакомец, должен начаться в семь.

«Глупость какая», – сказала она себе вслух. Её собственный голос прозвучал неубедительно.

Марина встала, подошла к маленькому чёрно-белому телевизору «Юность», стоявшему на комод. Включила. Экран затрещал, зашипел, потом медленно проявилась картинка: стадион, трибуны, зелёное поле.

«...и через несколько минут начнётся матч двадцать третьего тура чемпионата СССР по футболу. На поле стадиона "Торпедо" встречаются московское "Торпедо" и московский "Спартак" ...»

Она села обратно на кровать. Сердце билось чаще, чем следовало.

«Это ничего не значит, – убеждала она себя. – Он мог просто знать расписание игр. Это не доказательство».

Но голос комментатора всё равно казался слишком громким, слишком значительным. Словно это был не обычный футбольный матч, а какой-то решающий эксперимент.

Минуты тянулись медленно. Команды вышли на поле, прозвучал свисток. Марина смотрела на экран, не понимая толком, что происходит – она никогда особенно не интересовалась футболом. Мяч летал от одних ворот к другим, игроки бегали, толкались, падали.

Шла четырнадцатая минута.

Потом пятнадцатая.

«Он сказал – шестнадцатая, – вспомнила она. – Черенков. Номер десять».

И вдруг экран взорвался.

– Черенков с мячом! – закричал комментатор таким голосом, словно объявлял о конце света. – Черенков уходит от защитника! Бьёт! Го-о-о-ол! Гол, дорогие товарищи! Блестящий гол Фёдора Черенкова на шестнадцатой минуте матча! «Спартак» открывает счёт!

Марина почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

Шестнадцатая минута. Черенков.

Совпадение. Просто совпадение. Нелепое, случайное, статистически маловероятное – но совпадение.

Она досмотрела первый тайм до конца, убеждая себя в этом. Счёт оставался 1:0. Во втором тайме ничего не происходило – «Торпедо» атаковало, «Спартак» защищался. Минуты ползли одна за другой: шестидесятая, шестьдесят пятая, семидесятая...

«Он сказал – семьдесят пятая. Родионов».

Шла семьдесят третья минута. Потом семьдесят четвёртая. «Спартак» всё ещё вёл 1:0.

«Он ошибся, – подумала Марина с каким-то странным облегчением, смешанным с разочарованием. – Конечно, ошибся. Второй гол никто не забьёт. Это был просто...»

– Родионов! – взревел телевизор. – Родионов перехватывает мяч! Выходит один на один с вратарём! Бьёт! Гол! Гол!

Семьдесят пятая минута, и Сергей Родионов удваивает преимущество «Спартака»! Два ноль!

Марина устала на экран. Комментатор продолжал что-то кричать о прекрасной комбинации и мастерстве советских футболистов, но она ничего не слышала. В её ушах звенела только тишина.

Два ноль. Черенков – шестнадцатая. Родионов – семьдесят пятая.

Он не ошибся. Ни в одном слове. Ни в одной цифре.

Она медленно, как во сне, выключила телевизор. Экран погас, и комната погрузилась в полумрак. За окном начинало темнеть – короткие майские сумерки.

Марина легла на кровать и уставилась в потолок.

«Это невозможно, – думала она. – Это противоречит всему, что мы знаем о физике, о времени, о причинно-следственных связях...»

Но устройство лежало на тумбочке – настоящее, тяжёлое, необъяснимое. И счёт матча был именно таким, как он сказал.

Она не спала всю ночь.

Ночь для Алекса тоже была долгой.

После того как Марина ушла, он бродил по незнакомым улицам, пытаясь осмыслить масштаб катастрофы, в которую угодила Москва 1985-го была одновременно знакомой и чужой – как лицо родственника на старой фотографии. Те же очертания улиц, те же названия на табличках, но всё осталь-

ное... всё остальное было другим.

Машины. Их было мало, и они были странными – угловатыми, громоздкими, с круглыми фарами и хромированными бамперами. Они рычали, дымили, воняли бензином. В его мире личный транспорт давно стал анахронизмом – зачем владеть машиной, если капсула прилетает по первому вызову? Здесь люди водили сами, крутили какие-то колёса, жали на педали. Это казалось варварством.

Люди. Они ходили по улицам пешком, без самокатов и ховербордов. Они разговаривали друг с другом – не в гарнитуры, не в воздух, а лицом к лицу, глядя в глаза. Они смеялись, и смех этот был громким, неотфильтрованным, настоящим.

И реклама. Точнее, её отсутствие. Ни одной голограммы, ни одного всплывающего баннера, ни одного персонализированного предложения, преследующего тебя от магазина к магазину. Только унылые плакаты с бодрими лозунгами про пятилетки и мир во всём мире.

«Как они живут без рекламы? – подумал Алекс. – Как они вообще узнают, что им нужно купить?»

Вопрос был идиотским, но мозг цеплялся за такие мелочи, чтобы не думать о главном: он застрял. Застрял в прошлом без малейшего понимания, как вернуться. Без денег, без документов, без единого знакомого человека.

«Нет, – поправил он себя. – Один знакомый человек есть. Девушка с серыми глазами, которая смотрит на мир так, словно пытается его разобрать и собрать заново».

К полуночи похолодало. Лёгкая куртка, рассчитанная на климат-контроль 2030-го, не спасала от московского мая 1985-го. Алекс дрожал, засунув руки в карманы, и пытался найти хоть какое-то укрытие.

Подъезды были заперты. Скамейки в парках просматривались насквозь. Дважды мимо него проехала машина с мигалкой – милиция? – и он вжимался в тень, чувствуя себя преступником.

Наконец, около трёх ночи, он нашёл незапертый подъезд в старом доме недалеко от того самого сквера. Дверь скрипнула, впуская его в тёплый полумрак. Пахло кошками и варёной капустой – запах, который он не чувствовал никогда в жизни и который почему-то показался ему уютным.

Он сел на ступеньку между первым и вторым этажом, прильнув спиной к холодной стене. Батарея под окном была тёплой – центральное отопление, видимо, ещё не отключили.

«Двадцать четыре часа, – подумал он. – Нужно продержаться двадцать четыре часа. Потом она придёт. Если придёт».

Он закрыл глаза, но сон не шёл. Вместо этого в голове крутились обрывки воспоминаний: капсула, рябь на экране, падение сквозь цифровой мусор...

Что это было? Сбой в пространственно-временном континууме? Он не был физиком, чёрт возьми, он был оптимизатором контента. Его знания об устройстве вселенной ограни-

чивались научно-популярными роликами, которые он смотрел фоном, пока завтракал.

«Парадокс дедушки, – всплыло в памяти. – Эффект бабочки. Временные петли...»

Всё это было просто словами. Красивыми, загадочными словами, которые ничего не объясняли и ничем не помогали.

А потом пришла другая мысль – холодная, отрезвляющая.

«Что, если я застрял навсегда?»

Он открыл глаза и уставился в темноту подъезда.

Навсегда. В 1985-м году. Без интернета. Без связи. Без всего, что делало его жизнь... жизнью.

«Без умного дома. Без Алисы. Без ленты новостей. Без капсул и хOVERбордов. Без виртуальной реальности и дополненной реальности. Без синтетической еды и автоматических кофемашин».

Странно, но эта мысль не вызвала паники. Скорее – какое-то тупое удивление.

«А что я вообще потеряю?»

Он попытался представить свою жизнь в 2030-м. Квартира, которая делала всё за него. Работа, которая не требовала от него ничего, кроме присутствия. Друзья, которых он видел в основном в виртуальном пространстве. Развлечения, которые развлекали без его участия.

«Когда я последний раз делал что-то сам? Когда последний раз принимал решение, которое имело последствия?»

Ответа не было.

Где-то наверху хлопнула дверь, послышались шаги. Алекс вжался в угол, стараясь слиться с тенью. Шаги прошли мимо, вниз по лестнице, и стихли.

Он снова закрыл глаза.

«Марина, – подумал он. – Её зовут Марина. Она аспирантка. У неё серые глаза и странная привычка склонять голову, когда она думает. И она не побоялась заговорить с сумасшедшим незнакомцем».

Почему-то эта мысль согрела его больше, чем батарея под окном.

Утро наступило серое и промозглое. Алекс проснулся от того, что кто-то пнул его ногу.

– Эй, мужик, – над ним стоял пожилой мужчина в майке-алкоголичке и трениках. – Ты чего тут разлёгся? Это подъезд, а не гостиница.

– Простите, – Алекс поднялся, чувствуя, как ноет всё тело. – Уже ухожу.

– Пьяный, что ли? – мужчина принюхался. – Не похоже. Тогда чего?

– Заблудился.

– Ага, – мужчина хмыкнул. – Ладно, иди давай. И в следующий раз бомжевать в другое место ходи.

Алекс вышел на улицу. Было около семи утра – он определил это по положению солнца, потому что часов у него, конечно, не было. В его мире время показывали линзы. Здесь он был слеп и во времени, и в пространстве.

Желудок скрутило от голода. Последний раз он ел... когда? Вчера днём? Позавчера? Он уже не помнил.

До встречи с Мариной оставалось ещё несколько часов. Нужно было как-то продержаться.

Он побрёл по улице, разглядывая витрины. В булочной за стеклом лежали румяные батоны и пирожки. Запах свежей выпечки бил в нос, заставляя рот наполняться слюной.

«Двадцать копеек, – прочитал он на ценнике. – Пирожок с картошкой – двадцать копеек».

У него не было даже этих двадцати копеек.

В его мире еда просто появлялась – из доставки, из автоматов, из холодильника, который сам заказывал продукты. Он никогда в жизни не думал о том, где взять еду. Еда была данностью, как воздух.

Здесь еда стоила денег. А денег у него не было.

«Я могу умереть от голода, – подумал он с каким-то отстранённым удивлением. – Буквально умереть от голода в центре Москвы. Как бомж. Как никто».

Он присел на скамейку в том самом сквере, где вчера разговаривал с Мариной. До назначенного времени оставалось ещё три часа. Три часа, которые нужно было как-то пережить.

Алекс смотрел на прохожих. Они шли по своим делам: мужчины в пиджаках, женщины в платьях, дети в школьной форме. Все они знали, куда идут. Все они принадлежали этому миру.

А он – нет.

«Странно, – подумал он вдруг. – Вчера я жаловался, что моя жизнь скучна и бессмысленна. А сейчас я готов на что угодно, лишь бы вернуться в эту скучную, бессмысленную жизнь».

Или нет?

Он попытался представить себя снова в своей умной квартире. Алиса приветствует его, кофе готов, лента новостей ждёт. Всё как всегда. Всё как вчера, позавчера, год назад.

Почему-то эта картина не вызывала тоски. Только какую-то тупую пустоту.

«Может, – мелькнула шальная мысль, – может, это не катастрофа? Может, это шанс?»

Он отогнал эту мысль. Глупость. Романтическая чушь. Он застрял в прошлом без средств к существованию – какой тут, к чёрту, шанс?

Но мысль не уходила. Она засела где-то на краю сознания и тихо пульсировала, как маячок.

Она появилась ровно в назначенное время – Алекс уже научился определять часы по положению солнца и теням от деревьев. Марина почти бежала по дорожке сквера, и её каблуки стучали по асфальту как пулемётная очередь. В руках она несла что-то завернутое в бумагу.

Алекс встал ей навстречу.

– Всё... – она остановилась перед ним, чуть запыхавшись. На щеках горел румянец, глаза блестели. – Всё так и бы-

ло. Каждое слово. Черенков на шестнадцатой. Родионов на семьдесят пятой. Два ноль.

Он кивнул. Не было смысла говорить «я же говорил» – она и так это знала.

– Я не спала всю ночь, – продолжала она, и слова вылетали из неё быстрой, сбивчивой очередью. – Я думала, перебирала варианты. Ты мог быть шпионом – но какой шпион стал бы доказывать свою легенду через футбольный матч? Ты мог быть сумасшедшим – но сумасшедшие не угадывают счёт с точностью до минуты. Ты мог быть... – она запнулась, – ... ты мог быть тем, кем назвался.

Алекс молчал. Он вдруг понял, как устал – от голода, от бессонной ночи, от всего этого безумия.

Марина заметила что-то в его лице. Её взгляд стал острее, внимательнее.

– Ты ведь не ел, – это был не вопрос. – С самого вчера.

Он пожал плечами.

– Не на что.

Она сунула ему в руки бумажный свёрток.

– Вот. Я подумала... предположила, что у тебя могут быть проблемы.

Алекс развернул бумагу. Внутри лежали два ещё тёплых пирожка с картошкой и большое зелёное яблоко. Запах ударил в нос, и желудок скрутило так, что он едва не согнулся пополам.

– Спасибо, – выдавил он.

– Ешь, – она села на скамейку и похлопала по месту рядом. – Потом поговорим.

Он ел, стараясь не выглядеть слишком голодным, но, наверное, выглядел именно так. Пирожки были простыми – тесто, картофельное пюре, немного лука – но это была самая вкусная еда в его жизни. Лучше любых синтетических деликатесов, лучше молекулярной кухни, лучше всего, что он пробовал в своём технологичном будущем.

«Может, потому что я заработал её, – подумал он. – Заслужил. Доказал».

Когда он закончил, Марина смотрела на него с выражением, которое он не мог расшифровать.

– Что теперь? – спросила она.

Алекс вытер руки о джинсы.

– Честно? Не знаю.

– Ты можешь вернуться? Туда, откуда пришёл?

– Не знаю, – повторил он. – Я не учёный, Марина. Я даже не понимаю, как я сюда попал. Был какой-то сбой, когда я летел через старую сеть над ВДНХ... – Он осёкся, увидев её непонимающий взгляд. – Неважно. Суть в том, что у меня нет ни малейшего представления о том, как работает эта штука. Путешествия во времени, я имею в виду.

– Тогда тебе нужны люди, которые понимают, – сказала она просто. – Физики. Математики.

– Вряд ли они мне поверят.

– Поверят, если увидят твою технику, – она кивнула на

его карман. – Кстати, вот, держи. Возвращаю.

Она протянула ему смартфон. Алекс взял мёртвую пластину, повертел в руках.

– Ты смотрела?

– Всю ночь, – она кивнула. – Просвечивала лампой, разглядывала под лупой. Там внутри... – она покачала головой. – Это невозможно. Микросхемы размером с пылинку. Материалы, которых не существует. Я показала... – она замялась. – Пока ты меня ждал здесь, я забежала в институт и ...показала коллеге из лаборатории оптоэлектроники. Без объяснений, просто спросила, что он думает. Он решил, что это муляж. Декорация из фантастического фильма.

– Технически он прав, – Алекс криво усмехнулся. – Для вас это и есть фантастика.

Марина помолчала. Потом сказала:

– У меня есть идея. Насчёт того, где тебе жить.

– Жить? – он моргнул.

– Ты же не можешь ночевать в подъездах.

– Откуда ты...

– У тебя на куртке известковая пыль, – она указала на его рукав. – И ты пахнешь кошками.

Алекс посмотрел на себя и невольно рассмеялся. Первый раз за эти безумные сутки.

– Ладно, – сказал он. – Что за идея?

– У моей бабушки есть дача. Под Москвой, в Малаховке. Старый домик, запущенный, но крепкий. Сейчас там ни-

кто не живёт – бабушка у тёти в Ленинграде, будет только к июлю. – Она помолчала. – Ты мог бы пожить там. Несколько дней. Пока мы не придумаем что-нибудь получше.

Алекс уставился на неё.

– Ты серьёзно? Ты предлагаешь незнакомому человеку – потенциальному сумасшедшему – поселиться в доме твоей бабушки?

– Ты не сумасшедший, – она сказала это с абсолютной уверенностью. – Счёт матча это доказал.

– Это доказало только то, что я знал счёт. Это не доказывает, что я не опасен.

Марина посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Тем самым, каким она смотрела на чертежи.

– Ты мог бы уйти вчера, – сказала она наконец. – Мог бы украсть что-нибудь. Мог бы попросить денег. Вместо этого ты отдал мне свой... телефон... и ждал в сквере, голодный, всю ночь. – Она чуть улыбнулась. – Я неплохо разбираюсь в людях. Ты не опасен. Ты просто потерялся.

Алекс не знал, что ответить.

– Почему? – спросил он наконец. – Почему ты мне помогаешь? Мы знакомы меньше суток.

Марина отвела взгляд. Посмотрела на деревья, на небо, на воробьёв, купающихся в луже у скамейки.

– Наверное, потому что... – она замолчала, подбирая слова. – Потому что ты – самое интересное, что случилось в моей жизни. А может, и во всём мире. – Она снова посмотре-

ла на него, и в её серых глазах было что-то новое – не научное любопытство, а что-то более личное, более... человеческое. – Если есть хоть один шанс из миллиона, что ты говоришь правду, – а судя по матчу, этот шанс гораздо выше, – то оставить тебя одного было бы... неправильно. Преступно. По отношению к науке. К истории. К будущему.

Она помолчала и добавила тише:

– И к тебе тоже.

Повисла пауза. Алекс смотрел на неё – на эту невозможную девушку из невозможного времени – и чувствовал, как что-то сдвигается у него внутри. Что-то, что он не мог назвать, но что было похоже на... надежду?

«Она красивая, – подумал он вдруг. – Не так, как модели в рекламе, не идеально симметричная, не отфотошопленная. Просто... настоящая. Живая».

– Спасибо, – сказал он. И это слово впервые за очень долгое время значило именно то, что значило.

Марина встала, отряхнула платье.

– Ну что, путешественник во времени? – она протянула ему руку. – Поехали на дачу? Электричка через час, а нам ещё до Казанского вокзала добираться.

Алекс взял её руку – тёплую, крепкую, настоящую – и поднялся.

– Поехали, – сказал он.

И они пошли вместе – по дорожке сквера, мимо каштанов и скамеек, навстречу совершенно неизвестному будущему.

Которое для него было прошлым.

Которое для неё было настоящим.

И которое для них обоих – он вдруг понял это с пугающей ясностью – уже никогда не будет прежним.

Глава 3: Билет в прошлое

Дорога до Казанского вокзала стала для Алекса первым настоящим испытанием на выживание. Не теория, не умо- зрительное наблюдение за миром 1985-го сквозь призму на- учного любопытства. Это было погружение – жёсткое, без подготовки, без права на ошибку.

Марина шла чуть впереди, уверенно лавируя в потоке лю- дей, и он невольно залюбовался тем, как она двигается. В его мире женщины ходили иначе – размеренно, словно по за- данному алгоритму, вечно глядя куда-то внутрь своих линз. Марина шла так, будто рассекала пространство: плечи раз- вёрнуты, подбородок чуть приподнят, каблуки отстукивают по асфальту чёткий, уверенный ритм. Голубое платье в го- рошек колыхалось при каждом шаге, и Алекс поймал себя на том, что залюбовался.

«Прекрати, – одёрнул он себя. – Она тебе помогает, а ты пялишься как подросток».

Но взгляд возвращался снова и снова. В 2030-м это было бы нормально – откровенный интерес, быстрый обмен взгля- дами, предложение «продолжить вечер». Отношения давно превратились в ещё один вид потребления: быстро, удобно, без обязательств. Виртуальные свидания, рейтинги совме- стимости, алгоритмы подбора партнёров – всё было оптими- зировано, лишено тайны, лишено... чего-то важного.

Здесь всё было иначе. Он это чувствовал – в том, как Марина держала дистанцию, в том, как она отводила глаза, когда их взгляды встречались слишком надолго. В 1985-м девушки не смотрели на мужчин как на потенциальный «быстрый контакт». Здесь были правила, ритуалы, целая невидимая система кодов, которую он не понимал и не знал.

«Ухаживание, – вспомнил он слово из старых фильмов. – Здесь ещё ухаживают. Дарят цветы. Провожают до дома. Ждут месяцами, прежде чем...»

Мысль оборвалась, когда они подошли к спуску в метро, отмеченному большой красной буквой «М» – одним из немногих символов, оставшихся неизменными за сорок пять лет. Но на этом сходство заканчивалось.

Вместо бесшумных эскалаторов-траволаторов, которые сами считывали твой пропуск и несли тебя в нужном направлении, здесь грохотали древние лестницы, забытые людьми. Вместо светлых минималистичных станций – мраморные дворцы с тяжёлыми люстрами и мозаиками, изображавшими счастливых рабочих и колхозниц. Всё было избыточным, помпезным, настоящим.

– Держи, – Марина сунула ему в руку маленькую медную монетку с цифрой «5». Её пальцы на мгновение коснулись его ладони – случайно, мимолётно – и он почувствовал тепло её кожи. – Бросаешь в щель турникета и проходишь, когда загорится зелёный.

Алекс сжал в кулаке этот крошечный кусочек металла.

Пять копеек. Первые настоящие деньги, которые он держал в руках за последние годы. В его мире деньги были абстракцией – цифрами на счету, невидимыми транзакциями. Эта монетка была вещью. Она имела вес, температуру, историю.

Он подошёл к турникету – примитивному механическому устройству с хромированными створками, готовыми с силой ударить по ногам зазевавшегося пассажира. Неуклюже опустил монетку в щель. Створки разъехались с металлическим лязгом, и он шагнул вперёд, чувствуя себя первобытным человеком, впервые столкнувшимся с автоматической дверью.

Марина прошла следом – легко, не задумываясь, как человек, для которого это было так же естественно, как дыхание. Она обернулась, проверяя, не отстал ли он, и на её губах мелькнула едва заметная улыбка.

«Она красивая, – подумал он снова. – Не так, как модели в рекламе, не отфотошопленная до состояния пластиковой куклы. Живая. Настоящая. С этой ямочкой на левой щеке, которая появляется, когда она улыбается».

А потом их поглотил гудящий, пахнувший озоном, металлом и человеческими телами мир московского метро.

Шум был оглушительным. В 2030-м общественные пространства были спроектированы так, чтобы поглощать звук – специальные покрытия, звукоизоляция, белый шум в наушниках. Здесь звук атаковал. Рёв прибывающего поезда, скрежет колёс о рельсы, хриплые объявления мужского голоса из динамиков, гул сотен разговоров, сливающихся в единый

неразборчивый поток.

Люди стояли плечом к плечу, читали настоящие бумажные газеты – он видел заголовки: «Правда», «Известия», что-то про пятилетку и международную обстановку. Они держались за холодные металлические поручни, покачиваясь в такт движению вагона. Никто не смотрел в экраны. Они смотрели друг на друга. Или в себя. Или в никуда – с тем особенным выражением усталого отрешения, которое, оказывается, было вечным.

Алекс вжался в угол вагона, стараясь быть незаметным. Но его яркая куртка из переливающейся ткани, его странные кроссовки с какими-то непонятными надписями латиницей притягивали любопытные взгляды. Он чувствовал эти взгляды кожей – изучающие, настороженные, иногда откровенно неприязненные.

Марина встала рядом, создавая вокруг него невидимый защитный барьер. Она стояла так близко, что он чувствовал запах её волос – что-то цветочное, простое, не синтезированное в лаборатории. Живой запах живого человека.

– Ты в порядке? – спросила она тихо, наклоняясь к его уху, чтобы перекричать грохот.

Её дыхание коснулось его щеки. Он почувствовал, как что-то дрогнуло внутри – что-то, что он давно считал атрофировавшимся. Что-то, чему он не знал названия.

– Непривычно, – ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Очень... громко. И много людей.

– Обычный день, – она пожала плечами, и это простое движение отозвалось в нём странным теплом. – Час пик скоро начнётся, будет ещё хуже.

«Она совсем не понимает, как на меня действует, – думал он, глядя на её профиль. – Или понимает и делает вид, что нет? В 1985-м девушки умели это – делать вид. Флиртовать, не флиртуя. Привлекать, отталкивая. Целая наука, которую мы потеряли».

Казанский вокзал оказался апофеозом этого аналогового хаоса.

Огромный зал под высоким сводчатым потолком гудел как растревоженный улей. Щёлканье гигантского табло, на котором с механическим треском менялись названия городов. Эхо объявлений, накладывающихся друг на друга. Крики носильщиков, толкающих тележки с горами чемоданов. Плач детей, смех женщин, хриплая ругань мужчин.

И запахи – боже, сколько здесь было запахов! Чебуреки из привокзального буфета, табачный дым, пот, дешёвый одеколон, что-то кислое и незнакомое. В его стерильном мире запахи были врагами, которых нужно было уничтожить. Здесь они были частью жизни – неприятные, навязчивые, настоящие.

Здесь собралась вся страна: солдаты в зелёной форме с красными погонами, женщины в цветастых платках с огромными клетчатыми баулами, студенты с потёртыми рюкзаками, командировочные с чёрными портфелями. Все они ку-

да-то ехали, спешили, опаздывали. У всех была цель.

Только у него цели не было.

– Постой здесь, – Марина указала на колонну с облупившейся краской. – Я за билетами. Не уходи никуда и ни с кем не разговаривай.

– Я не ребёнок, – начал было он, но она уже растворилась в толпе.

Алекс привалился к колонне, чувствуя себя совершенно беспомощным. Он был взрослым, успешным – по меркам своего мира – мужчиной. Человеком, который одним голосовым запросом мог заказать еду с любого континента, вызвать транспорт, купить что угодно от носков до квартиры. Здесь он был ребёнком, не способным даже приобрести два билета на пригородную электричку.

«Как они живут? – думал он, разглядывая людей вокруг. – Без подсказок, без навигаторов, без алгоритмов, которые ведут тебя за руку? Как они запоминают маршруты, расписания, цены? Как они вообще функционируют?»

Но они функционировали. Более того – они выглядели живыми. Уставшими, раздражёнными, иногда злыми, но живыми. Не тем мертвенно-спокойным «живым», которое он видел на лицах своих современников, погружённых в персональные информационные коконы.

Он смотрел на молодую пару у соседней колонны. Парень в мешковатом пиджаке и девушка в простом ситцевом платье. Они держались за руки – просто держались, переплетя

пальцы. Парень что-то говорил, девушка смеялась, запрокинув голову. Потом она встала на цыпочки и поцеловала его в щёку – быстро, почти украдкой, оглядываясь по сторонам.

«У нас так не делают, – подумал Алекс с внезапной тоской. – У нас всё открыто, всё доступно, всё разрешено. И поэтому ничего не имеет значения».

В его мире первая близость между мужчиной и женщиной случалась обычно через час после знакомства – если оба были «в настроении» и алгоритм совместимости давал зелёный свет. Никакого ожидания, никакого томления, никакой той сладкой муки неизвестности, о которой писали в старых книгах. Эффективно. Пусто.

Здесь поцелуй в щёку – украдкой, на людях! – был событием. Признанием. Обещанием чего-то большего.

«Интересно, – мелькнула мысль, – а как здесь с Мариной? Если бы я захотел... если бы она захотела... сколько это займёт? Месяц? Год? Никогда?»

Он отогнал эту мысль. Глупость. Романтическая чушь из фильмов. Она помогает ему выжить – вот и всё. Не нужно путать благодарность с влечением.

Но когда Марина вернулась из толпы, держа в руках два картонных прямоугольника билетов, и улыбнулась ему – просто улыбнулась, без повода, без причины – он понял, что уже запутался.

– Успела, – она чуть запыхалась, на висках выступили капельки пота. – Пойдём быстрее, наша платформа уже откры-

та.

Электричка пахла креозотом, нагретым металлом и той особой въедливой пылью, которая скапливается в старых вагонах десятилетиями. Деревянные лавки были жёсткими, отполированными тысячами пассажиров до тусклого блеска. Окна открывались с трудом, но Марина справилась – потянула за ручку, навалилась плечом, и рама со скрипом поддавалась, впуская в вагон порывы тёплого майского ветра.

Они сели друг напротив друга. Между ними был откидной столик – потёртый, исцарапанный надписями поколений пассажиров. Алекс машинально прочитал: «Лена + Серёжа = любовь», «ЦСКА – чемпион!», «Здесь был Вася».

«Вечные сюжеты, – подумал он. – Любовь, футбол, желание оставить след. Некоторые вещи не меняются».

Поезд дёрнулся и тронулся. За окном поплыли серые московские окраины – однообразные пятиэтажки, закопчённые трубы заводов, ряды гаражей-ракушек, бельё на балконах. А потом, словно по волшебству, – зелень. Настоящая, буйная, дикая зелень, не подстриженная под линейку роботами-садовниками.

Марина сидела у окна, и ветер трепал её русые волосы. Она убрала ободок в сумочку, и теперь пряди свободно развевались, иногда касаясь её щеки. Она смотрела на проносящийся пейзаж с каким-то детским удовольствием, и Алекс снова поймал себя на том, что не может отвести взгляд.

«Двадцать лет, – напомнил он себе. – Ей двадцать. Тебе

тридцать. В её время это, наверное, нормально – такая разница. Но она же ещё почти ребёнок...»

Нет, не ребёнок. Он видел это по её глазам – серьёзным, взрослым, видевшим что-то такое, чего он не понимал. Может, в этом мире взрослые раньше? Без вечного детства, которое его поколение продлевало до сорока, пятидесяти, до бесконечности?

– Расскажи мне, – вдруг попросила она, повернувшись от окна. Её серые глаза смотрели прямо на него, и он почувствовал себя голым под этим взглядом. – О твоём мире. Какой он?

Алекс задумался. Как это объяснить? Как описать цвет слепому, звук – глухому?

– Он... тихий, – сказал он наконец. – И удобный. Всё очень удобно. Тебе не нужно никуда ходить. Еду привозит дрон – это такой... летающий робот. Вещи тоже. Работает из дома. Развлекаешься тоже из дома. Квартира сама убирает, готовит, заказывает продукты, когда они заканчиваются. Тебе не нужно думать о бытовых вещах. Вообще.

– А о чём тогда нужно думать? – спросила она.

Вопрос застал его врасплох. Такой простой вопрос, а он не мог найти ответ.

– Ну... – он замялся. – О работе. О развлечениях. О том, какую иммерсивную инсталляцию посмотреть вечером или какой сериал начать. О том, как... как оптимизировать свой досуг.

– Оптимизировать досуг? – она произнесла эти слова медленно, словно пробуя на вкус незнакомое блюдо. – Это как?

– Ну, составить расписание так, чтобы успеть посмотреть всё самое популярное. Быть в тренде. Чтобы было о чём поговорить с друзьями.

– А просто пойти гулять? – Марина склонила голову набок – этот её характерный жест, от которого у Алекса что-то сжималось в груди. – Или поехать к друзьям и просидеть весь вечер на кухне, разговаривая ни о чём? Такое у вас бывает?

– Бывает, – неуверенно сказал он. – Но редко. Зачем ехать куда-то, если можно созвониться в виртуальной реальности? Твой аватар выглядит почти как настоящий. Можно даже пожать руку, обняться... – Он осёкся, понимая, как это звучит.

Марина откинулась на спинку сиденья. В её глазах он увидел не восхищение, которого ожидал, – а что-то совсем другое. Что-то похожее на жалость.

– Понятно, – сказала она тихо. – Значит, у вас больше нет кухонь.

Это была не метафора. Или метафора, но такая точная, что она ударила его под дых. Он описывал вершину технологического прогресса, мир тотального комфорта, и выглядел в её глазах... неполноценным. Лишённым чего-то важного, чего она даже не могла представить, что можно потерять.

«Она права, – подумал он с внезапной ясностью. – Мы потеряли кухни. Те самые кухни, где разговаривали до утра, где

влюблялись, где ссорились и мирились, где жили. Мы оптимизировали их – и потеряли».

– Ты... ты удивительная, – вдруг сказал он, сам не ожидая от себя этих слов. Они вырвались помимо воли, и теперь было поздно их забирать. – То, как ты думаешь. Как смотришь на вещи. Разбираешь их на части, анализируешь. Видишь суть там, где я вижу только поверхность. Я никогда таких не встречал.

Марина смотрела на него, и в её взгляде появилось что-то новое – настороженное, но не испуганное.

– Ты не просто Марина, – продолжал он, не в силах остановиться. – Ты какая-то... Марисабель.

– Марисабель? – она моргнула. – Что это за имя такое? Испанское?

– Не знаю, – честно ответил он. – Просто пришло в голову. Оно тебе подходит. Звучит сложно. И красиво. Как формула, которую не каждый сможет понять.

«Идиот, – выругал он себя. – Что ты несёшь? Формула? Она решит, что ты сумасшедший. Или, что ещё хуже, что ты пытаешься её склеить – так это называлось в её время?»

Но Марина не отодвинулась. Не нахмурилась. На её губах появилась слабая, едва заметная улыбка, и та самая ямочка на левой щеке – та, которую он заметил ещё в институте.

– Ну и фантазия у вас в будущем, – сказала она, качая головой. Но ему показалось – нет, он был уверен – что ей было приятно.

«В её мире мужчины умели говорить комплименты, – подумал он. – Не пошлые, не прямолинейные – а такие. Глупые, нелепые, но настоящие. Может, я случайно сделал что-то правильно?»

Они ехали молча ещё минут двадцать. Но это было другое молчание – не неловкое, а тёплое, наполненное чем-то невысказанным.

За окном проносились дачные посёлки, сосновые леса, поля, засеянные чем-то зелёным. Воздух, врывавшийся в вагон, пах хвоей и дымом от костров, талой водой и чем-то цветущим. Он был чистым. Он был настоящим. Он был живым.

Алекс жадно вдыхал этот воздух, чувствуя, как прочищаются лёгкие после стерильной, отфильтрованной атмосферы его мира. Его тело – избалованное климат-контролем, никогда не знавшее настоящего холода или жары – впитывало эти ощущения, как сухая губка впитывает воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.